

Суеверия — в этом Нань Ши разбирался.

Благодаря Го Синсяню поездка за товаром оказалась на удивление быстрой. Дядюшка Чжан, проболтав с племянником битый час о семейных делах, широким жестом отпустил Нань Ши двадцать различных нефритовых украшений по оптовой цене, до отказа заполнив его чемодан.

— Так почему на алтаре у дядюшки Чжана табличка с твоим именем? Рассказывай, — Нань Ши с живым любопытством подложил Го Синсяню в тарелку кусок требухи.

Го Синсянь, обжигаясь, но с явным удовольствием, проглотил угощение и лишь затем со вздохом ответил:

— Да просто суеверие, что тут рассказывать.

— А мне интересно! — не унимался Нань Ши, добавляя ему в пиалу порцию креветочной пасты. — Этот ужин за мой счёт!

— Как минимум два ужина! — Го Синсянь вскинул палец.

— Без проблем! — тут же согласился Нань Ши. — Говори давай!

Го Синсянь вытер губы и начал рассказ:

— Толком я и сам не знаю. Был ещё маленький. Дома говорили, я в детстве постоянно болел. А у бабушки в деревне есть такой обычай: если ребёнок хворает, его отдают в названные дети большому дереву. Самым старым деревом в той деревне была тысячелетняя абрикосовая слива, которую все звали «Абрикосовым Бессмертным». Вот меня и «усыновили».

В некоторых местах действительно существовали подобные обычаи. В названные родители выбирали не только деревья, но и камни, и даже колодцы. Где-то было принято отдавать слабых детей в монастыри к монахам или монахиням, а иногда и вовсе оставлять их там до совершеннолетия, запрещая возвращаться домой. Считалось, что ребёнок переймёт у дерева его жизненную силу и мощные корни, у камня — долголетие и стойкость, а у монахов заручится покровительством божеств.

— А с именем-то что?

— А то, что лучше мне не становилось, — Го Синсянь сделал глоток пива и раздражённо цыкнул, но не на друга, а на судьбу, наградившую его таким нелепым и простонародным именем. — В девять лет я подхватил какую-то серьёзную болезнь, вроде пневмонии, и был на

волосок от смерти. Говорят, уже в реанимацию положили. И вот, пока я там лежал, бабушке приснился сон. Явился к ней тот самый Абрикосовый Бессмертный и сказал, что мне суждено было умереть, но он может меня спасти. Для этого нужно было сменить моё имя на «Синсянь», чтобы обмануть небеса и одолжить мне его долголетие. Бабушка поверила, тут же потащила родителей в загс. И представляешь, как только имя сменили, врачи объявили, что кризис миновал.

Сердце Нань Ши дрогнуло. Он подумал, что это действительно могло быть проявлением силы бессмертного.

— Звучит и правда загадочно.

— Чистое совпадение, — фыркнул Го Синсянь. — Я в это не верю. С тех пор в деревне все как с ума посходили, в каждом доме теперь стоит табличка в его честь. Суеверие на суеверии. Мой дядюшка Чжан, например, утром и вечером курит ему благовония — собственным предкам столько внимания не уделяет. На дворе какой век? А меня ещё и заставляют каждый год ездить туда на поклон, подношения делать. Да на кой оно ему...

— Ладно, ладно, хватит, — прервал его Нань Ши. — Совпадение это или нет, но ты стал его названным сыном, вреда от этого никакого. Что хорошего в том, чтобы поносить своего крёстного?

— Тьфу, какой он мне кр... — не успел договорить Го Синсянь, как Нань Ши зажал ему рот. То ли от света ламп, то ли от пара, идущего от котла, но лицо Го Синсяня вмиг потемнело.

А раз потемнело лицо, значит, и печать между бровями помрачнела, а это уже смертельно опасно!

— Ум-м... ты чего?!

— Молчи, ешь давай! — Нань Ши отдернул руку, вытер её салфеткой и сел на место. — Предки говорили: «Почитай духов и богов, но держись от них подальше». Даже если не веришь, прояви уважение и не приближайся. И вообще, — он посмотрел на друга, — я трус. Если ты продолжишь, я боюсь, твой крёстный отец явится ночью с тобой поквитаться. А мы в одном номере. Если я его случайно увижу и помру на месте от разрыва сердца, что тогда?

— Ладно, — цыкнул Го-эр, больше не говоря ни слова. Он и вправду увлёкся и ляпнул, не подумав. Его семья относилась к подобным вещам очень серьёзно. Если бы они узнали, как он отзывается о своём «крёстном», его бы наверняка заставили каяться в родовом храме на коленях.

Они поели в тишине. Нань Ши снова заговорил о планах на завтра. Го Синсянь, подумав, предложил:

— Может, ты сам погуляешь или сразу домой поедешь? Моя деревня тут рядом, я съезжу, а то на Новый год билетов не достать.

— Зачем тебе в деревню? — Нань Ши жевал палочку для еды. — Хочешь, я с тобой?

— Я же говорил, — Го Синсянь искоса взглянул на него, — нужно «крёстному» подношения сделать. Каждый год езжу, надоело до смерти... Ты же боишься. Я сам справлюсь.

— ... — Нань Ши видел, как после этих слов печать между бровями Го Синсяня стала ещё темнее. Поистине, не наприсишься — не помрёшь. Он осторожно предложил: — Поедем вместе... Давай прямо после ужина купим билеты и отправимся в твою деревню.

— А? Не устал? — с недоумением посмотрел на него Го Синсянь.

— Я тут по небесным знамениям посмотрел, завтра ливень будет, — не моргнув глазом, соврал Нань Ши. Го Синсянь указал на окно. Было всего пять часов вечера, солнце ещё не село, и хотя небо начало темнеть, до ночи было далеко.

О звёздах и говорить нечего — их в таком мегаполисе и в полночь не разглядишь, разве что неоновые огни на зданиях.

— Серьёзно? — уголок рта Го Синсяня дёрнулся. — И когда это ты обзавёлся рентгеновским зрением?

Нань Ши тоже взглянул на небо и, не краснея, заявил:

— Ага, только что новую способность открыл. Верь мне.

Го Синсянь кажется понял, как Нань Ши, не разбираясь ни в нефрите, ни в антиквариате, умудрился удержать на плаву свою лавку.

Наверное, всё дело в его языке без костей.

***

Как бы то ни было, после ужина они отправились на вокзал и купили билеты.

Три часа на скоростном поезде, затем час на автобусе, и вот они уже на родной земле Го Синсяня. Когда они добрались до деревни Линнань, была уже глубокая ночь.

Это была самая обычная деревня. По старому плану она была разбита на квадраты.

Двухметровая дорога делила эти квадраты на две неравные части: с одной стороны — дома жителей, с другой — поля.

Дом семьи Го пустовал. Соседи по договорённости присматривали за ним и проветривали. Когда Го Синсянь ввёл Нань Ши внутрь, тот невольно содрогнулся.

— Почему у вас так жутко?

— Наверное, из-за дождя, погода в последние дни не очень, — беззаботно ответил Го Синсянь, ведя его на второй этаж за постельным бельём.

— А, — кивнул Нань Ши. Войдя в дом, он заметил, что тёмная аура между бровями Го Синсяня стала ещё гуще. По-хорошему, если бы сейчас Го Синсянь посмотрел в зеркало, он бы и сам себя испугался.

Нань Ши забеспокоился. Дело не в другом, просто с такой аурой болезни точно не избежать. А если Го Синсяню станет плохо ночью, он хотя бы сможет вовремя вызвать скорую.

— Мне что-то не по себе, давай я сегодня с тобой посплю.

Учитывая, что Нань Ши был известным трусом, Го Синсянь без возражений отнёс постельное бельё в свою комнату.

Среди ночи Нань Ши почувствовал, что его толкают. Он сонно открыл глаза и увидел Го Синсяня, плотно закутавшегося в одеяло.

— Мне холодно... — прохрипел тот, заметив, что друг проснулся.

— Я, конечно, гей, но на друзей не заглядываюсь... — пробормотал Нань Ши и приложил руку ко лбу Го Синсяня. Точно, жар.

Значит, он не ошибся в предсказании.

Го Синсянь, видимо, бредил от жара. Он всё сильнее кутался в одеяло, хотя сам был горячим, как печка. На нём можно было яичницу жарить.

Нань Ши со вздохом накрыл его своим одеялом, встал, смочил полотенце в холодной воде, положил ему на лоб и задумался, не пора ли звонить в скорую.

— Холодно... — бормотал Го Синсянь. — Всё тело болит... будто избили...

— Так тебе и надо, — беззлобно проворчал Нань Ши. — Язык надо за зубами держать. Сам виноват.

— Я... что я сказал... я... — Го Синсянь хотел что-то ещё сказать, но вдруг тихо застонал и начал шарить рукой под одеялом, пытаясь дотянуться до спины. — Больно...

Нань Ши инстинктивно протянул руку, чтобы потрогать его спину, и вдруг почувствовал резкую боль в своей руке. Одновременно с этим в груди разлилось тепло.

На груди у него висело перо феникса, подаренное наставником.

Нань Ши мгновенно всё понял. Он стиснул зубы и оглядел комнату. Никаких посторонних «существ» он не видел, но это было нормально — разница между бессмертными и призраками велика.

Холодное полотенце быстро нагрелось от жара Го Синсяня. Нань Ши пошёл сменить его. К счастью, друг больше не жаловался на боль — видимо, его перестали бить.

Нань Ши подошёл, чтобы обтереть его. Приподняв одежду, он не увидел на спине никаких следов, но Го Синсянь тихо пробормотал:

— Холодно... укрой...

— Не капризничай, я тебя обтираю! — Нань Ши протёр ему спину и осторожно спустил штаны. На поясице виднелась опухшая красная полоса. Он посмотрел ниже — задница тоже распухла.

Нань Ши тяжело вздохнул и, продолжая обтирать его, забормотал:

— Бессмертный Абрикосовый Цвет, простите его. Этот щенок несмышлёный, языком мелет, не зная меры. Вы его уже наказали, не дайте ему сгореть от жара. Он же совсем глупым станет. Он ведь всё-таки ваш названный сын... Завтра, как рассветёт, я приведу этого щенка к вам на поклон, каяться. Если не сможет идти, я его на тачке привезу. Смилуйтесь над ним на этот раз!

Едва он договорил, Го Синсянь затих. Нань Ши, движимый братской любовью, смочил новое полотенце и приложил ему к заднице.

Вдруг Го Синсянь еле слышно произнёс:

— Ты чего мою задницу трогаешь? Нань Сяоши, не ожидал я от тебя такого!

Нань Ши в ярости шлёпнул его по заднице. Раздался жалобный вой, на который Нань Ши холодно и безжалостно ответил:

— Катись к чёрту.

<http://bllate.org/book/13704/1584877>